

Серия «История»
2023. Т. 45. С. 88–95
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiahist.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 94+322.2

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.45.88>

Храм Ясукуни как «место памяти» Японии

К. Е. Кузьмин*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматривается феномен храма Ясукуни через призму концепции «мест памяти» французского историка П. Нора. Анализируется история становления храма как символа японской истории XX в. Делается вывод, что храм Ясукуни является «местом памяти», прежде всего, о Второй мировой войне, а также об истории Японии первой половины XX в.

Ключевые слова: храм Ясукуни, «место памяти», Вторая мировая война, «кокутай», государственный синтоизм.

Для цитирования: Кузьмин К. Е. Храм Ясукуни как «место памяти» Японии // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2023. Т. 45. С. 88–95. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.45.88>

Original article

Yasukuni Shrine as Japan's “Place of Memory”

К. Е. Kuzmin*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article examines the phenomenon of Yasukuni shrine through the prism of the concept of “places of memory” by the French historian P. Nora. The history of the formation of the temple as a symbol of Japanese history of the twentieth century is analyzed. The author comes to the conclusion that Yasukuni Shrine is a “place of memory”, first of all, about the World War II, as well as about the history of Japan in 20th century.

Keywords: Yasukuni shrine, “place of memory”, World War II, “kokutai”, state Shinto.

For citation: Kuzmin K.E. Yasukuni Shrine as Japan's “Place of Memory”. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2023, vol. 45, pp. 88-95. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.45.88> (in Russian)

«Места памяти»: теоретический аспект

Концепция «мест памяти», разработанная французским историком Пьером Нора в 1970–1980-е гг., является одним из наиболее известных конструкций, используемых в исследовательском поле *memory studies*.

Историк дает такое определение: «Место памяти – всякое значимое единство материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратила в символический элемент наследия некоторой общности» [6, с. 79]. Это то, что скрепляет связь общества с памятью о про-

---

© Кузьмин К. Е., 2023

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

шлом. Иначе говоря, места памяти – это и оставшееся от памяти, и то, что фиксирует в современности данную память о прошлом.

Важно отметить, что Нора понимает место не в буквально топографическом смысле. Он пишет, что места памяти «являются местами в трех смыслах слова – материальном, символическом и функциональном, – но в очень разной степени. Даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделяет его символической аурой» [7, с. 40]. Все три аспекта в той или иной степени сосуществуют в «месте памяти». Это должно быть нечто материальное, несущее в себе памятную символику и напоминание о прошлом или же информацию о нем, а также выполняющее коммеморативные функции и призванное вызывать воспоминания о тех или иных нарративах прошлого.

Ключевой функцией «мест памяти», которая фактически и определяет их, является создание объединяющего фундамента коллективной идентичности. Как пишет А. А. Львов, «сами эти места своей целью имеют собирание вокруг себя сообществ, например, нации, или, говоря в общем, коллективного субъекта, который распространяется не только на настоящее, но также приватизирует (т. е. осваивает, делает своим – личным, собственным) прошлое и будущее» [5, с. 31].

Нередко концепция П. Нора становится объектом критики. Прежде всего, скептицизм исследователей по поводу «мест памяти» связан с неопределенностью самого понятия. В частности, Т. Джадт в статье ««Места памяти» Пьера Нора: чьи места? Чья память?», анализируя данное автором концепции определение, пишет: «Трудно придумать что-то – слово, место, имя, событие или идею – что не подходило бы под это определение. Как заметил один иностранный рецензент: «К концу книги читатель-иностранец теряет нить повествования. Есть ли во Франции хоть что-то, что не было бы «местом памяти»?»» [3]. Кроме того, в идее Нора критикуется метафоричность, которой характеризуется и сама концепция, и то, какими словами и образами историк ее описывает в своих работах. Так, он приводит одну метафору: «Уже не вполне жизнь, но еще и не совсем смерть, как эти ракушки, оставшиеся лежать на берегу после отлива моря живой памяти» [7, с. 27]. Еще одной важной проблемой, связанной с концепцией и также считающейся ее «слабым местом», является трудность перевода термина на другие языки, в том числе и европейские. Нидерландский исследователь Пим ден Бур отмечает, что данное понятие определяется в романских языках в качестве географических объектов (к примеру, в английском языке нередко используется для обозначения термина слова *places* и *sites*) [8, с. 22]. Что же касается перевода понятия в отечественных исследованиях, то оно многими исследователями признается не самым верным и уместным. В конечном счете большое число российских исследователей понимают «места памяти» как сугубо территориальные местности или материальные локации (памятники, мемориалы, улицы, дома, города и проч.), тем самым искажая смысл термина, предложенного П. Нора.

Тем не менее сама концепция, несмотря на ряд недостатков и критику со стороны многих исследователей, является одной из самых популярных и часто используемых учеными, изучающими те или иные вопросы, касающиеся направления *memory studies*. Многие исследователи видят в ней ряд преимуществ и возможностей для более подробного рассмотрения коллективной памяти. Так, О. В. Головашина отмечает потенциал «мест памяти» как исследовательского инструмента: «Места памяти – это <...> теоретическая оптика, использование которой позволит противопоставить операционному отношению к истории осмысление и схватывание прошлого» [1, с. 22].

История храма Ясукуни

Храм Ясукуни – одно из главных синтоистских святилищ, в котором поминаются души погибших за страну и империю военных в конфликтах второй половины XIX – первой половины XX в. На официальном сайте храма указано, что в настоящее время в нем сохраняется память о более чем 2 млн погибших военнослужащих¹. Души участников военных конфликтов почитаются как божества (ками). Соответственно, в их память и в их честь совершаются различные обряды. Храм также известен тем, что в нем почитаются, помимо других, души более 2 млн японских военнослужащих, погибших во Второй мировой войне, и души командующих японской армией в этой войне.

С момента своего основания храм был одним из ключевых конструктов, заложенных в фундамент японской нации, которая формировалась в эпоху Мэйдзи (1868–1912). Ясукуни был воздвигнут в 1868 г. как место поклонения и почитания душ японцев, погибших в боях и сражениях за императора и империю. В 1878 г. святилище получило название Ясукуни, что в одном из вариантов перевода означает «умиротворение государства» [9]. Тогда же храм приобрел статус государственного всеяпонского святилища. В 1880-е гг. он был передан в ведение императорских вооруженных сил и военно-морского флота [Там же]. В 1930-е гг. была создана система региональных храмов, подчиненных Ясукуни.

После окончания Второй мировой войны оказалось под вопросом само существование храма, так как оккупационные силы США начали принимать меры по ликвидации ультранационалистической идеологии в системе государственных органов. Одним из важнейших направлений было отделение синтоизма от государства, поскольку считалось, что религия была основой национализма и милитаризма, которые привели Японию к войне. Тогда же, в ноябре 1945 г., осознавая неопределенность будущего храма Ясукуни, священнослужители провели экстренную церемонию обожествления и приобщения к храму душ всех военных, погибших в годы Второй мировой войны [2, с. 42].

Однако уже в конце 1940-х гг. американская оккупационная администрация ввела определенные послабления, связанные с храмом Ясукуни:

¹ History. URL: <https://www.yasukuni.or.jp/english/about/history.html> (дата обращения: 20.04.2023).

государственным служащим было вновь разрешено посещать святилище, а сам храм возобновил работу по пополнению реестра поминаемых душ военных [Там же, с. 42–43].

В 1950-е гг. храм превратился в источник серьезных внутривластных проблем. Отношение к святилищу как символу японской нации стало полярным. Для одних оно осталось отражением единения японского народа на основе государственного синтоизма. Для многих храм стал местом поминовения и олицетворением памяти о погибших за страну и императора в годы Второй мировой войны. Для других храм Ясукуни превратился в символ японского ультра национализма и милитаризма, которые привели в конечном счете к войне и поражению страны.

Как следствие, вокруг храма сложилась неоднозначная ситуация, в результате чего Ясукуни оказался под пристальным вниманием различных внутренних сил. Консерваторы в лице различных политических и общественных групп и ассоциаций в 1950–1960-е гг. продвигали разными путями законопроект о возвращении храму Ясукуни особого государственного статуса, что позволило бы, во-первых, воссоздать символ национального единения, а во-вторых, вывести его из-под действия статей конституции, разделяющих государство и религию. Либерально-демократическая партия Японии пыталась четырежды, начиная с 1968 г., внести законопроект на рассмотрение в парламент, однако это вызывало мощное общественное сопротивление. В конечном итоге законопроект не был реализован [2, с. 45].

Одним из ключевых моментов, связанных с храмом Ясукуни, который, по мнению ряда исследователей, предопределил его дальнейшую судьбу и превратил святилище в объект разногласий не только внутри Японии, но и в отношениях страны с другими азиатскими государствами, стало начало поминовения в храме душ военных преступников классов «В», «С» и «А». Они были осуждены региональными военными трибуналами после Второй мировой войны и приговорены к разным наказаниям вплоть до смертной казни. Процесс обожествления проходил в несколько этапов в 1960–1970-е гг. [Там же]. Важно отметить, что к классу «А» на Токийском трибунале были причислены 14 преступников из высших военных и государственных чиновников, виновных в развязывании войны и иных преступлениях. Их обожествление в храме Ясукуни происходило тайно осенью 1978 г. [4, с. 75].

В конечном итоге с конца 1970-х гг. Ясукуни стал восприниматься и в самой Японии, и в международном сообществе как храм, в котором поминаются обожествленные души не только рядовых участников Второй мировой войны, но и военных преступников классов «А», «В» и «С». Соответственно, посещения святилища официальными японскими лицами стали восприниматься как политические действия, демонстрирующие забвение, оправдание или непризнание действий Японии в годы войны. Как следствие, любое посещение храма премьер-министром, членом правительства или депутатом стало более пристально отслеживаться и общественными японскими силами, и акторами в регионе. Символическим началом данного процесса послужило официальное посещение премьер-министром Накасонэ Ясухиро святилища

Ясукуни в 1985 г., которое вызвало серьезную критику со стороны Китая. С этого момента храм превратился и во внешнеполитическую проблему Японии, каковой остается по сей день [10].

Таким образом, с момента создания и до настоящего момента храм Ясукуни является не только религиозным объектом, но и символом консервативной идеологии националистической направленности, основанной на синто. После Второй мировой войны святилище стало местом поминовения погибших в боях и сражениях военнослужащих, а также лиц, связанных с войной, которые были объявлены международными трибуналами военными преступниками. В связи с этим храм Ясукуни оказался объектом, разделяющим японское общество и приводящим Японию к конфликтам с другими региональными игроками. Соответственно, святилище оказалось одним из важнейших конструкторов японской идентичности, осталось таковым и в современности и превратилось в особое и противоречивое «место памяти» японского общества.

Храм Ясукуни как «место памяти»

Если говорить о храме Ясукуни с точки зрения того определения, которое дал французский историк «месту памяти», то, безусловно, святилище соответствует ему. Оно является синтоистским религиозным объектом, что уже наполняет его определенным содержанием, а также символом японского военного прошлого, так как в нем поминаются участники Второй мировой войны. Исходя из этого, можно также отметить, что Ясукуни является объектом коллективной памяти, поскольку с этим храмом связаны определенные нарративы японского прошлого, прежде всего, Вторая мировая война как ключевой мемориальный конструкт современной коллективной памяти японцев.

Что же касается роли храма в становлении японской национальной идентичности, то святилище фактически было задумано как скрепляющий элемент японского национального самосознания, формировавшегося в эпоху Мэйдзи. На рубеже XIX–XX вв. храм превратился в олицетворение концепции «кокутай», т. е. идеи религиозного единения на базе государственного синтоизма вокруг императора и страны, которая ассоциировалась с монархом, и ощущения превосходства, исключительности и особой роли Японии в мире [2, с. 40]. Кроме того, святилище было символом государственного величия и особой роли военных в жизни страны. Как отмечают исследователи, многие граждане Японии в 1930-е гг. считали достойным и почетным погибнуть за императора и государство, так как знали, что их ожидает великая честь – обожествление душ в храме Ясукуни [12, с. 160–161].

В послевоенное время роль святилища подверглась серьезной трансформации. Ясукуни лишился своего государственного статуса, а само синто потеряло свое влияние как национально-образующая религия. Ввиду этого храм наполнился новым содержанием, став «местом памяти», связанным со Второй мировой войной. Для участников войны и членов семей погибших святилище стало символизировать память о трагическом прошлом и местом поминовения умерших военнослужащих [11, с. 67–68]. Для военных, нацио-

налистов и консерваторов храм оказался образом прошлого величия и суверенитета Японии, который, по их мнению, был ограничен в послевоенные годы. Что же касается групп, не поддерживающих положительную точку зрения на японское прошлое, то для них храм Ясукуни превратился в символ японского милитаризма и ультранационализма в прошлом, которые привели страну к краху в ходе Второй мировой войны. Что же касается рядового населения, то для многих патриотично, консервативно или даже националистически настроенных граждан храм Ясукуни также стал «местом памяти», объединяющим их и напоминающим о великом прошлом, в котором Япония была мощной империей и стремилась к лидерству в Азии, реализуя свой особый статус и государственные интересы [4, с. 83].

Если же говорить о материальном, символическом и функциональном аспектах храма Ясукуни как «места памяти», то здесь стоит дополнить вышесказанное тем, что святилище, безусловно, является материальным выражением памяти о прошлом. Речь идет не только о самом храме как символе и объекте памяти, тесно связанном с нарративами японской истории XX в., но также и о тех свитках и табличках, на которых зафиксированы имена погибших участников войны, чем была материализована память о них. В других странах этот процесс находит физическое выражение в памятниках, стелах, кладбищах, кенотафах, могилах неизвестного солдата и проч. Что же касается символического аспекта, то о нем было немало сказано выше. Функциональный аспект Ясукуни как «места памяти» воплощается, во-первых, в регулярных поминальных службах, проходящих в святилище, на которых вспоминаются погибшие в войне и, как следствие, сама война как нарратив коллективной памяти, во-вторых, в визитах государственных чиновников, политиков и общественных деятелей, которые так реализуют коммеморативные практики и совершают политические акции, связывая себя и свое настоящее с прошлым страны. Фактически храм является средоточием мемориальных действий, касающихся памяти о Второй мировой войне. Стоит упомянуть регулярные подношения и визиты, осуществляемые государственными чиновниками, министрами и политиками в дни поминовения душ погибших военных, в том числе 15 августа – в день капитуляции Японии.

Выводы

Таким образом, можно утверждать, что Ясукуни является «местом памяти» современной Японии. Оно стало таковым для немалой части населения, а также многих внутренних активных акторов – от политических партий и структур до общественных объединений. Святилище превратилось в «место памяти» после Второй мировой войны, и на данный момент оно, во-первых, выполняет функцию концентрации памяти о войне и в целом о японском прошлом, а во-вторых, служит символом для определенных социальных групп, также выполняя функции «места памяти».

Список литературы

1. Головашина О. В. Места памяти: между метафорой и концептом // Социология власти. 2022. Т. 34, № 1. С. 18–38.
2. Гринюк В. А. Политические проблемы храма Ясукуни // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 38–52.
3. Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: чьи места? Чья память? // *Ab Imperio*. 2004. № 1. С. 44–71.
4. Кульнева П. В. Проблема почитания душ японских подданных колониального периода в храме Ясукуни // Вестник Института востоковедения РАН. 2021. № 3 (17). С. 75–85.
5. Львов А. А. Места памяти в истории философии (к эпистемологическому анализу концепции П. Нора) // Парадигма : философско-культурологический альманах. 2021. № 35. С. 25–43.
6. Нора П. Как писать историю Франции // Франция – память. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та. 1999. С. 66–94.
7. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та. 1999. С. 17–65.
8. Boer P. D. *Loci memoriae – Lieux de memoire* // *Cultural memory studies : an international and interdisciplinary handbook* / ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2008. P. 19–26.
9. Cheung M. *Political survival and Yasukuni in Japan's relations with China*. Abingdon : Routledge, 2017. 165 p.
10. Lai Y. M. *Nationalism and power politics in Japan's relations with China: a neoclassical realist interpretation*. Abingdon : Routledge, 2013. 264 p.
11. Smith S. A. *Intimate rivals. Japanese domestic politics and a rising China*. New York : Columbia University Press, 2015. 384 p.
12. Takahashi T. *The national politics of the Yasukuni Shrine* // *Nationalisms in Japan* / ed. by N. Shimazu. Abingdon : Routledge, 2006. P. 155–180.

References

1. Golovashina O.V. *Mesta pamyati: mezhdz metaforoj i konceptom* [Realms of memory: between metaphor and concept]. *Sociology of Power*, 2022, vol. 34, no. 1, pp. 18-38. (in Russian)
2. Grinyuk V.A. *Politicheskie problemy hrama Yasukuni* [Political problems of Yasukuni shrine]. *Far Eastern Affairs*, 2010, no. 4, pp. 38-52. (in Russian)
3. Judt T. “Mesta pamyati” Pjera Nora: Ch'i mesta? Ch'ya pamyat? [Pierre Nora’s «Sites of memory»: Whose sites? Whose memory?]. *Ab Imperio*, 2004, no. 1, pp. 44-71. (in Russian)
4. Kulneva P.V. *Problema pochitaniya dush yaponskih poddannyh kolonial'nogo perioda v hrame Yasukuni* [The problem of worshipping deities of Japan’s former colonial subjects in the Yasukuni shrine]. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*, 2021, no. 3 (17), pp. 75-85. (in Russian)
5. Lvov A.A. *Mesta pamyati v istorii filosofii (k e`pistemologicheskomu analizu koncepcii P. Nora)* [Places of memory in the history of philosophy (to the epistemological analysis of Pierre Nora’s conception)]. *Paradigma: filosofsko-kulturologicheskij almanah*, 2021, no. 35, pp. 25-43. (in Russian)
6. Nora P. *Kak pisat' istoriyu Francii* [How to write the history of France]. *Frantsiya – pamyat*. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Publ., 1999, pp. 66-94. (in Russian)
7. Nora P. *Mezhdz pamyat'yu i istoriey. Problematika mest pamyati* [Between memory and history. Problems of sites of memory]. *Frantsiya – pamyat*, St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Publ., 1999, pp. 17-65. (in Russian)
8. Boer P. D. *Loci memoriae – Lieux de memoire. Cultural memory studies : an international and interdisciplinary handbook*. Ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2008, pp. 19-26.
9. Cheung M. *Political survival and Yasukuni in Japan's relations with China*. Abingdon, Routledge, 2017, 165 p.
10. Lai Y.M. *Nationalism and power politics in Japan's relations with China: a neoclassical realist interpretation*. Abingdon, Routledge, 2013, 264 p.

11. Smith S.A. *Intimate rivals. Japanese domestic politics and a rising China*. New York, Columbia University Press, 2015, 384 p.

12. Takahashi T. The national politics of the Yasukuni Shrine. *Nationalisms in Japan*. Ed. by N. Shimazu. Abingdon, Routledge, 2006, pp. 155-180.

Сведения об авторе

Кузьмин Кирилл Евгеньевич
аспирант, исторический факультет
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: kirillkuzmin97@yandex.ru

Information about the author

Kuzmin Kirill Evgenievich
Postgraduate, Faculty of History
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: kirillkuzmin97@yandex.ru